

В 1925 году, ранней осенью, будущий основатель и главред «Юности» Валентин Катаев с Сергеем Есениным и недавно приехавшим в Москву Эдуардом Багрицким оказались напротив еще не снесенного нежно-сиреневого Страстного монастыря, возле памятника Пушкину, еще стоявшего в начале Тверского бульвара, и уселись на бронзовые цепи.

Катаев похвастал умением Багрицкого за пять минут выдать классический сонет на любую тему. Есенин предложил тему «Пушкин». Случилось состязание. Есенин написал такое стихотворение, перепутав фамилию Эдуарда:

*Пил я водку, пил я виски,
Только жаль, без вас, Быстрицкий!
Нам не нужно адов, раев,
Лишь бы Валя жил Катаев.
Потому нам близок Саша,
Что судьба его как наша.*

Есенину оставалось несколько месяцев...

Литература его, как и пушкинская, неотделима от заданности судьбы и роковой развязки.

Ему сто двадцать пять, Сергею Александровичу, а ушел он в тридцать, и весь он – непостижимая стихия.

В нем сочеталось слишком много, казалось бы, противоречивого – тихость и буря, ласковость

и ярость, грустные проводы Руси уходящей и жажда нови, тяга к братству и обостренное одиночество.

Словно бы вобрал в себя и выразил самые разные черты русского характера.

Можно было бы попытаться разобрать жизнь и творчество поэта по периодам и порассуждать о его развитии.

Первые шаги в литературе парня из рязанского села Константиново, обожествление мира вокруг избы, обретение голоса...

Можно даже предположить, что тезис прозрачной крестьянской лирики, сложенный с антитезисом вычурного имажинизма, дал затем удивительный синтез – сплав простоты и яркости.

А можно увидеть, как хаос самоистребления в последние годы все страшнее клубился в его стихах.

И все же мне видится один человек, страстный, ищущий правду, растворенный в природе.

Есенин – это не только березы и покосы, и не только кабацкая горестная лихость среди осколков разбитой любви, и не только гимн бушующей стихии... Всё это отдельные самостоятельные поэтические миры, которые он вместил в свою грудную клетку. И все неотделимо от огромной земли с названьем кратким «Русь».

О Есенине написаны очень разные книги, но, повторяя эпизоды его жизни и обращаясь к одним и тем же произведениям, они находятся в полемике

между собой. Авторы расставляют разные акценты. Почему так? Наверное, потому, что Есенин бескраен и бездонен, не вычерпать.

«Я молюсь на алы зори...» – писал он и как будто одухотворял природу своим соучастием в ее таинствах. Один из его современников вспоминал, как Сергей упоенно выстраивал цепочку родственных слов, венчавшихся собственной фамилией: «Осень – ясень – весень – Есенин!» Мне кажется, его стихи – это явления природы. В детстве он поэтично боялся, что лошадь вылакает луну из воды. Но такая заботливая нежность переносилась и на животных, на зверье, которое, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове. Недаром огромную известность ему принесла пронзительная «Песнь о собаке».

*И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.*

Но Есенин – это и трагедия саморастраты, та боль, что так жутко выразилась в одном из его поздних стихотворений:

*Чем больнее, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.*

*К вашей своре собачьей
Пора простить.
Дорогая... я плачу..
Прости... Прости...*

И конечно же, расцвет этой боли в великой поэме «Черный человек».

Отдельный разговор о Есенине и Боге. Он сказал о себе сам: «Я ведь Божья дудка...» У Есенина библейские образы, стихи о Христе, но и богоборчество, вернее, жертвенный порыв к Новейшему Завету – стремление обрести новое небо и новую землю, где все будет по-настоящему, без лжи и муки. Отсюда и его поэма «Инония», чайные, что наконец-то все сотворится по-иному, ощущение единства с разбойниками, блудницами, простыми душами и гонимыми прежде верующими – от старообрядцев до небольших истовых групп... Их привлекал на свою сторону и Пугачев, еще один есенинский герой. Запись сохранилась, найдите в интернете, послушайте монолог из одноименной поэмы, читает автор – грозно и мощно, настоящий мужик:

*Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека!*

Есенин ощущал в дерзком переустройстве страны – продолжение истории и даже пробуждение древней вечевой воли.

Небо превращалось в гулкий колокол.

Одновременно о революции и уплывающей любви одна из, по-моему, вершин его поэзии – «Анна Снегина», была и «Страна негодяев», где вместе с упованием на справедливость показана катастрофа святости и традиций, униженность захваченных смутой.

А еще он поездил по Западу и все показавшееся ему меркантильным, пустым, враждебным жизни осыпал тоскливыми проклятиями в письмах и очерке «Железный Миргород». Торжество денег, расчета и цинизма – этого Есенин опасался и в России и очень ей не желал.

Никакого колониализма, только самобытность, только поэтический полет народа.

Есть что-то символичное в том, что 3 октября – это не только день рождения Сергея Есенина, но и день русского бунта 1993 года в финале нашего двадцатого века, закончившегося кровью убитых в тот вечер и на следующее утро...

Чуть переиначивая его строки, можно сказать:

*Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Есенин?»
Я тихо ответил:
«Он – вы».*

Его слова пульсируют в висках, звучат в песнях – от романсов до рэпа. Эти слова живут с нами – молитвенно, чистые и неизъяснимые.

Есенин головокружительно многообразен, но и всякий раз предельно честен.

Его нежность и его натиск – словно смена времен года над русской землей. Золотистые мягкие чары и безудержное половодье.

Осень, весень, Есенин.

